

День всех влюбленных

Автор:

Светлана Лубенец

День всех влюбленных

Светлана Лубенец

Только для девчонок

Никакой любви на свете не существует! Девятиклассница Катя Прокофьева была уверена в этом на сто процентов. Но накануне дурацкого Дня влюбленных вся школа, кажется, помешалась – девчонки учили стихи из «Евгения Онегина», мальчишки собирались палить на сцене из дуэльных пистолетов. А еще все строчили друг другу «валентинки». Катя была выше этого и в общем безумии не участвовала. К тому же знала: ей любовное послание никто не напишет. Ведь даже Руслан, с которым она целовалась накануне, адресовал все свои записки другой девчонке...

Светлана Лубенец

День всех влюбленных

Глава 1

Поцелуй меня!

– Неужели вы еще не поняли, что никакой любви на свете не существует?! – с большой иронией в голосе спросила двух своих подружек, сидящих на подоконнике школьного коридора, очень худая и долговязая девочка в джинсах,

спортивной куртке и со светло-русыми волосами, небрежно забранными в хвост на затылке. – А семья как ячейка общества отмерла еще в прошлом столетии!

– Знаешь, Кэт, – обратилась к ней одна из подруг, черноволосая круглолицая симпатяга с задорно торчащим носиком, – семья тут ни при чем. Ракитина и не собирается заводить семью со Шмаевским. Им всего по четырнадцать. У нее к нему просто любовь – и все!

– Дура! У-у-у-у! – прорычала Кэт, сжав тонкими длинными пальцами виски. – Какая же ты дура, Ник! Захотелось Ракитиной поцеловаться со Шмаевским, и тут же это объявляется любовью! Одна пошлость и ничего больше! Животные инстинкты это, а не любовь!

– Не скажи, Катька! Шмаевский такими сумасшедшими глазами смотрит на Ракитину, прямо не могу! – не согласилась с ней вторая подруга, особа с модной рваной стрижкой. Она как-то печально качнула головой и с завистью проговорила: – Мне бы очень хотелось, чтобы относительно меня кто-нибудь проявлял такие же «животные инстинкты»!

– Во-первых, я запретила называть меня Катькой! – загнула один свой тонкий палец Кэт. И, загнув второй, добавила: – Во-вторых, ты, Бэт, такая же идиотка, как Ник! Естественно, что Шмаевский должен смотреть на Ракитину сумасшедшими глазами – ведь иначе она не догадается, что он собирается целоваться именно с ней! Это же просто, как дважды два!

– Скажешь, что тебе не хочется с кем-нибудь поцеловаться? – уставилась ей прямо в лицо та, которую называли Бэт.

– Не родился еще такой, чтобы я захотела! – зло буркнула Кэт.

– А может, не родился еще такой, который захотел бы в тебя влюбиться? – ухмыльнулась Бэт.

Кэт презрительно улыбнулась и предложила:

– А хотите, завтра или... дня через два, не позже, вместо Ирки Ракитиной Шмаевский будет смотреть сумасшедшими глазами на меня?

– Ага! Держи карман шире! – бросила ей Ник, переглянувшись с Бэт, и они одновременно спрыгнули с подоконника. – Кое-чем ты, наша любезная Кэт, не вышла!

– И чем же?

– Ну... чтобы не обижать тебя несимпатичным словом «рыло»... скажем – лицом!

– Знаю, что не красавица, – не обиделась Кэт и протянула девчонкам руку. – И все же, спорим!

– На что? – спросила Ник, а Бэт как-то странно напыжилась и почему-то покраснела.

– На то, что вы на этом же самом месте признаете меня правой: никакой любви нет, никогда не было и не будет!

– А как же Ромео и Джульетта, Анна Каренина и всякие другие люди из стихов, песен и фильмов? – перечислила Ник. – Как же быть, например, с песней «Я за тебя умру!»?

– Все эти трагедии – такие же сказочки, как про Мальвину с Буратино и Пьеро! Рассчитаны на безмозглых дур! А жалостные песенки вообще только для того, чтобы их петь и балдеть под красивую музыку. Слова в песнях, если хотите знать, совсем не главное! Вот вы слушаете западных исполнителей, ни слова не понимаете и – ничего! Так что я вам клянусь: через два дня Шмаевский и думать забудет про Ракитину! Мы будем с ним целоваться в темном углу у спортивного зала, а вы будете наблюдать за этим процессом из окна девчоночьей раздевалки! Спорим?!

– Так окно ж замазано, чтобы парни не подглядывали! – сказала Бэт.

– Ой! Ну неужели вас всему учить надо! – поморщилась Кэт. – Там такая дырень процарапана. Захотите – увидите! Последний раз предлагаю: спорим?!

Первой на руку Кэт положила свою ладонь черноволосая Ник, а следом за ней и Бэт, аккуратно поправив перед этим перья волос на собственном лбу.

– Спорим, – согласилась Ник. – Только если ты проиграешь, снова станешь просто Каткой Прокофьевой, Бэт – Танькой Бетаевой, а я – Вероникой Уткиной. И никаких больше Кэт, Бэт и Ник!

– Согласна! – весело крикнула Кэт и другой рукой разбила сцепленные руки.

По пути к дому Кэт обдумывала, когда и как лучше всего начать атаку на Руслана Шмаевского. Конечно, Ирка Ракитина красавица: синеглазая длинноволосая блондинка. Ей самое место на подиуме – демонстрировать сногшибательные модели одежды. На нее не один Руслан смотрит. Все парни их школы таращат на Ирку глаза, как ненормальные.

Конечно, внешне она, Кэт, до Ирки недотягивает, зато в сто раз умнее этой пушистой игрушечной болонки. Когда Шмаевский перестанет на Ирку глупо смотреть, а наконец возьмет да и подвалит, Ракитина, конечно же, будет кривляться и изображать недотрогу, а Кэт не станет. К чему? Ей не нужны все эти томные взгляды и клятвенные заверения в пламенных чувствах. Никаких пламенных чувств не существует. Одна говорильня. Она, Кэт, сразу перейдет к делу. Вряд ли Шмаевский станет сопротивляться. Он не дурак, чтобы отказываться от того, что от Ракитиной, возможно, еще не скоро получит.

Перед дверями собственной квартиры Кэт решила, что она на правильном пути, удовлетворенно кивнула, будто кто-нибудь мог ее видеть, и повернула ключ в замке.

В лицо Кэт удушливой волной ударил тяжелый воздух. Она поморщилась и, не раздеваясь, заглянула в кухню. Мать, завернувшись в несвежий халат, по-прежнему сидела на табуретке и курила, будто с самого утра никуда не выходила. Кэт подошла к ней, вытащила из пальцев сигарету, раздавила ее в блюдечке из-под своей любимой розовой чашки с кошкой и сказала:

– Сколько можно! Не продохнуть от твоего курева! Хоть беги из дома, честное слово! Неужели тебе в детстве не рассказывали, что капля никотина мгновенно убивает лошадь?

Мать ничего не ответила, пропустив «каплю никотина» мимо ушей, только еще плотнее запахнула на себе халат. Кэт раскрыла настежь форточку и спросила:

– Что, с утра так и сидишь?

– Нет, я была на собеседовании, – равнодушно отозвалась плохо причесанная женщина с размазанной по щеке совершенно не идущей ей сливовой помадой.

– И что?

– Ничего. Все то же.

– Не взяли?

– Не взяли.

– Да кто ж тебя возьмет?! – крикнула ей Кэт. – Ты посмотри на себя в зеркало! Настоящее чучело! И помада у тебя – гадкая! А прическа – вообще кошмар! Любой нормальный работодатель испугается! И табаком от тебя несет за версту, как от нашего школьного охранника. Так он хоть...

Кэт не закончила, потому что мать уронила голову на стол и заплакала.

– Ну... мам... ну не надо... – Девочка плюхнулась перед матерью на колени и прижалась лицом к ее теплomu боку. – Я же не для того все это говорю, чтобы обидеть... Просто тебе надо перестроиться... Снять наконец этот халат. Я его ненавижу и... скоро сама выброшу в мусоропровод! Дома тоже можно ходить в чем-нибудь приличном. У тебя же есть голубая кофточка. Она хоть и не новая, но тебе идет. С бежевыми брюками будет в самый раз. И еще надо купить косметику получше... духи... А курить надо перестать, потому что... во-первых, вредно... а во-вторых... В общем, я читала, что многие фирмы нанимают на работу только некурящих! А у тебя такая замечательная специальность! Юристы везде нужны!

Мать оторвала голову от стола, обняла дочь и, всхлипывая, сказала:

– Не могу я, Катька! Мне жить не хочется, не то что на работу наниматься... Как-то все безразлично...

– Да? – отстранилась от нее Кэт. – А я тебе тоже безразлична? Может, мне бросить школу и идти в какие-нибудь уборщицы или продавщицы трусов на рынке, потому что на большее я пока не гожусь?

– Ну что ты такое говоришь, Катя? – Мать погладила девочку по голове и опять прижала ее к себе. – Я возьму себя в руки, вот увидишь! Не вздумай бросать школу! Я... я постараюсь... У меня действительно хорошая специальность... Меня скоро возьмут на работу... Как же они смогут меня не взять...

После кое-как сварганенного собственными руками жалкого обеда, состоящего из макарон и яичницы, Кэт села за уроки. Она всегда неплохо училась, но после приключившегося с матерью стала готовить уроки чуть ли не с остервенением. В этой жизни для женщины образование значит очень много. Чтобы не зависеть от мужчин, нужно получить востребованную обществом специальность, которая будет приносить хорошие деньги. Вот у матери специальность отличная – юрист широкого профиля. Если она наконец возьмет себя в руки, то ее обязательно примут на работу. А еще экономисты тоже везде нужны и менеджеры. Вообще-то Кэт хотелось бы стать детским врачом, но у них очень маленькая зарплата. Наверно, придется идти в юристы или менеджеры. А чтобы поступить в престижный институт, нужно хорошо учиться в школе. И Кэт изо всех сил налегала абсолютно на все предметы. Кто знает, как повернется жизнь и что ей больше всего пригодится в дальнейшем.

Девочка вздохнула, решительно отбросила от себя все мысли, не касающиеся уроков, и углубилась в алгебраические примеры. Разговор со Шмаевским подождет до вечера. Никуда Русланчик не денется... хотя подумать о нем все-таки немножко можно. Кэт остановилась на середине примера и представила себе Шмаевского. Вообще-то он ничего, симпатичный. Кареглазый. С такими смешными прямыми ресницами. И главное, высокий. Вполне дотягивает до ее ста семидесяти. Они с ним будут неплохо смотреться. Главное, чтобы Руслан не сорвался с крючка. А собственно, почему бы ему сорваться? Вот ее, Кэт, собственный папаша не сорвался же. Как только к ним первый раз в гости приехала двоюродная сестра матери из Ярославля, так он сразу и попался на ее крючок. Кэт сама слышала, как примитивно тетя Лариса его завлекала. Она всего-то и сказала: «Саша, поцелуй меня», и отец все – спекся. Даже не подумал о том, что Кэт могла их видеть и слышать. В общем, противно вспоминать.

После их отъезда в Ярославль мать будто подменили. Она целыми днями лежала на диване лицом к стене и даже перестала ходить на службу в юридическую консультацию. Разумеется, ее уволили, и она никак не может найти себе другую работу. Из цветущей женщины она превратилась в странное болезненное существо, не выпускающее изо рта сигарету и не вылезающее из халата. Кто такую на работу возьмет? Конечно же, никто! Ну ничего! Погодите, господа мужчины! Кэт еще отомстит вам за мать! И Русланчик Шмаевский, кареглазый красавчик, будет в этом списке первым! И все! И достаточно об этом думать! Стоит немедленно же вернуться к алгебре!

Покончив с уроками, Кэт начала собираться на свидание со Шмаевским. Он, конечно, еще не знает, что оно у него сегодня состоится. Но это ничего. Надо постараться мальчика не разочаровать. Кэт не станет надевать свою дутую черную куртку с капюшоном. У нее есть кое-что и получше. Например, новая дубленка с красивым блестящим воротником и маленькая аккуратная шапочка из такого же меха. Она их еще ни разу не надевала, потому что это был подарок отца. Счастливая Кэт как раз крутилась дома перед зеркалом в новом зимнем прикиде, когда приехала тетя Лариса.

Нет, пожалуй, не стоит надевать дубленку! Во-первых, она навевает нехорошие воспоминания, а во-вторых, чего так стараться для какого-то Шмаевского! Тетя Лариса в момент роковой просьбы о поцелуе вообще была в домашнем халате в цветочек. Точно! Нечего с ними церемониться! Она пойдет к Руслану в черной куртке и надвинутой на самые глаза серой вязаной шапчонке! Дело вовсе не в одежде!

Кэт бросила в зеркало последний взгляд, осталась довольна стальным блеском собственных серых глаз, крикнула из прихожей:

– Ма! Я погуляю! – и выскочила за дверь.

Шмаевский жил в доме напротив. Кэт перебежала дорогу, шмыгнула в подъезд, а потом и в лифт. Когда она вышла на площадку девятого этажа, у нее почему-то задрожали колени. Что за ерунда? Она же не кукольная Ирка Ракитина! Ей не нужны любовные признания, охи да ахи. У нее серьезное дело! Она должна доказать себе, а главное, подругам, что все мужчины не стоят ни одного самого маленького женского мизинца. Все они жалкие марионетки, которыми

управляют хитрые и сильные женщины. А те дамочки, которые слабые, лежат месяцами лицом к стене и курят сигарету за сигаретой, так что другим не продохнуть. Кэт не из таких! Она стукнула кулаком по стене, собралась с духом и нажала кнопку звонка. Через некоторое время дверь открыл сам Руслан Шмаевский.

– Катя? – изумился одноклассник.

– Кэт, – поправила его одноклассница.

– Кстати, почему Кэт? Я давно хотел спросить.

– Мне так нравится. Коротко и не слюняво.

– А-а-а-а... – протянул Руслан, потом посмотрел ей в глаза и сказал: – Я слушаю тебя, Кэт! Весь внимание!

– Ты не мог бы на минуточку выйти на лестницу? – спросила она.

– Ну... я вообще-то уже практически вышел, – улыбнулся Шмаевский и слегка прикрыл за своей спиной дверь, продолжая придерживать ее рукой.

Он смотрел на Кэт так внимательно и спокойно, что она поняла: вариант тети Ларисы «Поцелуй меня, Руслан» здесь не пройдет. Надо самой брать быка за рога, то есть инициативу в свои руки. Кэт быстро приблизилась к Шмаевскому почти вплотную, положила руки ему на плечи и поцеловала в губы. От неожиданности он отшатнулся и даже ударился затылком о дверь, которая тут же захлопнулась. Руслан оглянулся, подергал дверь за ручку и, скривившись, сказал:

– Ну и что теперь делать? – Он окинул взглядом домашние шлепанцы на босу ногу. – Как я теперь попаду домой?

– И это все, что тебя сейчас волнует? – презрительно улыбнувшись, спросила Кэт.

– Это меня действительно волнует, потому что отец приедет только к утру, а мой ключ остался в квартире.

– И больше ничего тебя не взволновало?

– Если ты про то... что сейчас сделала... то меня это удивило.

– И все?

– Слушай, Катя... то есть Кэт... а тебе-то чего хотелось бы?

Кэт не знала, что и сказать. Она была уверена, что после ее поцелуя Шмаевский просто обязан заключить ее в свои объятия, как отец тетю Ларису, а завтра утром они должны бы пойти с Русланом в школу за ручку, как шли по двору на Ярославский поезд все те же отец и тетя Лариса. А после того, как Кэт со Шмаевским поцелуются на глазах у Ник с Бэт возле раздевалки спортивного зала, они втроем вдоволь над ним похохочут.

– Я... я не знаю... – честно призналась она. – Мне казалось, что ты должен как-то по-другому среагировать...

– Кто его знает, может, и среагировал бы по-другому, если бы не дверь.

Руслан опять отвернулся от Кати и потряс дверь за ручку.

– Я в самом деле не знаю, что мне теперь делать, – сказал он, а потом, опять обернувшись к Кэт, спросил: – Слушай, у тебя есть мобильник? Я бы отцу позвонил... У них там в фирме какой-то аврал. Отец сказал, что вернется очень поздно, то есть рано... ну, в общем, к утру. Но, может, он все же сможет вырваться на часик домой... Не ночевать же мне на лестнице в одной футболке и шлепанцах!

– У меня нет мобильного. Но я могу сбежать домой и позвонить твоему отцу с домашнего телефона. Хочешь? Или пойдем со мной... Позвонишь от нас. Ты же знаешь, я живу напротив. Два шага всего... Не успеешь замерзнуть. Пошли!

– Н-нет... – покачав головой, не согласился Руслан. – Придется от соседей. – И он подошел к обитой лакированной вагонкой двери.

– Я подожду, а то мало ли чего! – крикнула Кэт, когда Руслан уже почти скрылся за дверями квартиры напротив.

Она подошла к окну и села на подоконник, размышляя о том, что события разворачиваются совершенно не в том ключе. Дурацкая дверь! Если бы не она, то все получилось бы, как Кэт и хотела. А теперь что? Может, снова поцеловать? Нет! Элемента неожиданности уже не будет. Объект подготовлен и, возможно, уже вооружен против нее. Вот незадача! Что же делать?

Шмаевский отсутствовал недолго. Он вышел из чужой квартиры, рассыпаясь в благодарностях и приговаривая:

– Нет-нет... спасибо... Я его тут подожду... да-да... не волнуйтесь... я не замерзну...

Когда сердобольные соседи все же захлопнули дверь своей квартиры, Руслан подошел к Кэт и уселся рядом с ней. Из спортивных брюк смешно высунулись голые ноги в кожаных шлепанцах.

– Ну? – спросила его Кэт. – Что сказал отец?

– Сказал, что приедет. Орал ужасно: мол, я безответственный и все такое...

– А ты сказал, что не виноват?

– Нет, конечно.

– Почему?

– А как ты себе это представляешь? Я должен был рассказать, что ко мне пришла Катя Прокофьева и... – Руслан замолчал.

– Ну... ты мог бы сказать, что я пришла за какой-нибудь тетрадью, а дверь... сама... нечаянно... С кем не бывает?

– Но ты ведь не за тетрадью... – проговорил Руслан и поднял на одноклассницу глаза.

– Не за тетрадью... – эхом повторила Кэт, не отводя от него своих глаз.

– А зачем?

– Ты же уже знаешь зачем...

– Мне все равно непонятно... – пожал плечами Руслан. – Я никогда не замечал, чтобы ты...

– А что ты вообще замечаешь, кроме Ракитиной? – перебила его Кэт.

– При чем тут Ракитина?

– Ну ты же... от нее без ума!

– С чего ты взяла?

– Все это знают!

– Ну и дураки!

– Если так, то... – Кэт не отрывала своих глаз от Руслановых. – Ты можешь... меня поцеловать?

Шмаевский опустил голову и промолчал.

– Слабо, да? – презрительно спросила она.

– Слабость тут ни при чем. Чтобы поцеловать, надо... – и он опять замолчал.

– Ну и? Что же такое особенное надо?

Руслан спрыгнул с подоконника и встал перед девочкой.

– Надо влюбиться как минимум, – сказал он.

Кэт расхохоталась.

– Ой, не могу-у-у... – заливалась она. – Влюбиться... И ты туда же! Неужели тоже веришь в Ромео с Джульеттой? Какая там любовь? Где ты ее видел, эту любовь! Ее не существует, понял! Сказки для детей младшего возраста!

– Ну... тогда, может быть, тебе стоит сходить к Мишке Ушакову? – очень серьезно предложил Шмаевский.

– Зачем... к Ушакову? – удивилась Кэт.

– Раз любви не существует, то какая разница, кто тебя поцелует? Я думаю, Мишка согласится. Он как раз сейчас дома. Перед твоим приходом звонил. Ему никак задачу по физике не решить. Ты могла бы ему помочь, а он бы тебя поцеловал... в качестве бартера.

– Дурак! – бросила ему Кэт, тоже спрыгнула с подоконника и побежала вниз по лестнице, забыв про лифт.

– Странно, конечно, но Шмаевский почему-то сегодня целый день смотрит не на Ракитину, а на тебя, Кэт, – сказала Ник, откусывая от только что купленной в буфете булочки. – Как ты успела его так быстро обработать и, главное, когда? Мы же только вчера поспорили!

– Ничего я не успела, – отмахнулась от нее подруга. – И вообще, что-то мне расхотелось с ним целоваться. Пусть с ним целуется Ракитина!

– Ничего себе! – возмутилась Бэт. – У тебя семь пятниц на неделе! Не значит ли это, что ты признаешь себя проигравшей и мы можем опять называть тебя Каткой?

– Ну уж нет! – зло сверкнула глазами Кэт. – Вы можете зваться Танькой и Вероникой... Как хотите... А я все равно останусь Кэт!

– А как насчет любви? – спросила Бэт и откусила кусок от булочки Ник. – Любовь-то есть на свете или нет?

– Разумеется, нет, – еще злее ответила Кэт и выбежала из столовой.

Ник и Бэт в удивлении смогли только пожать плечами.

Глава 2

Ничего хорошего в этих поцелуях нет!

В тот момент, когда русачка и одновременно классная руководительница Нина Владимировна (в просторечье Нинуля) завела бесконечную песнь про предстоящий выпускной экзамен, Руслан Шмаевский почему-то опять вспомнил Катю Прокофьеву – Кэт... Нашлась тоже Кэт! Обыкновенная русская Катька! Нос – торчком, желтенькие веснушки, светленькие волосишки. Да еще и сутулится вечно, будто стесняется своего роста. И с чего бы? Сейчас в моде высокие и тощие. Руслан бросил на одноклассницу быстрый взгляд. Вот и сейчас она сидит за партой сгорбленная и какая-то поникшая. Светлый хвост волос и тот висит жалкой метелкой. А еще целоваться лезет! Интересно, зачем? Шмаевский вспомнил легкое прикосновение девичьих губ и поежился. Все-таки странное было ощущение... Запоминающееся...

Вообще-то ему плевать на девчонок. Жалкие, безмозглые создания. На уме одни шмотки, помада и песенки про любовь. Дуры. Конечно, ему нравится смотреть на Ирку Ракитину. Она красивая. Волосы такие пышные и будто золотые... не то что жалкий хвост у некоторых. Но он смотрит на Ирку просто так, как смотрел бы в музее на красивый портрет.

Шмаевский повернул голову в сторону Ракитиной. Да, она самая настоящая красавица... Такой нежный профиль... Почувствовав его взгляд, Ира обернулась, радостно улыбнулась, и все ее очарование разом исчезло. До чего же у нее все-

таки глупое и какое-то чересчур блестящее лицо. Мажется, наверное, чем-нибудь, чтобы блестело. Будто заняться больше нечем. Вот ему, Руслану, абсолютно все равно, чем она там намазана. А мокрые лиловые губы вообще раздражают. Он представил, как этими блестящими губами Ира целует его, и они склеиваются с Ракитиной намертво – так, что никто не может отодрать. Руслан невольно улыбнулся. Ира подумала, что он улыбается ей, и ее лицо приобрело еще более глупое выражение. Шмаевский, скривившись, отвернулся к окну, за которым крупными хлопьями медленно падал снег. Вот бы сейчас на улицу!

А Катька-то какова! То с поцелуями лезла, а то даже не обернется. И мимо проходит с таким лицом, будто ничего между ними и не было. Хотя... Можно считать, что ничего и не было. Подумаешь, прикоснулась губами! Судя по всему, это ничего для нее не значит. Может, на спор сделала? А может быть, у них с подружками какая-нибудь идиотская игра была, и Катька проиграла... Но тогда эти ее дурочки, Ник и Бэт, должны были бы при их поцелуе присутствовать, чтобы удостовериться. Может, они за трубой мусоропровода прятались? Если так, то ему нечего стыдиться. Он вел себя достойно, ответно целоваться не полез. Так что об этом пора забыть и никогда больше не вспоминать.

Из школы Руслан Шмаевский шел вместе со своим другом Мишкой Ушаковым. Они довольно долго болтали о гонках «Формулы-1» и о братьях Шумахерах, а потом Руслан вдруг спросил:

– Миха, а ты когда-нибудь целовался с девчонкой?

Ушаков сначала посмотрел на него с удивлением, но потом мгновенно перестроился и с видом очень уставшего от поцелуев человека ответил:

– Да было дело...

– Когда?

– Этим летом в оздоровительном лагере, куда меня мамаша засунула, чтобы я в городе, как она выразилась, не пустился во все тяжкие.

– Ну и как?

– В лагере-то? Да паршиво было, я тебе скажу. Скучотища...

– Да я не про то, – оборвал его Руслан. – Целовался-то с кем? Она какая была? Красивая?

– Девчонка-то? Если честно, то... не очень...

– А чего тогда целовался?

– Вечер такой был... теплый, какими-то цветами пахло... И вообще, все целовались, а я что, хуже других?

– Вот я и спрашиваю, раз уж ты не хуже... тебе как? Понравилось?

– Целоваться-то?

– Слышь, Мишка, а ты можешь не переспрашивать, а сразу отвечать на поставленный вопрос? – рассердился Руслан.

– А ты чего такой нервный? – продолжал уклоняться от ответа Ушаков. – Влюбился, что ли?

– Ничего я не влюбился! – уже с раздражением ответил Шмаевский.

– Ага! Как же! Так я тебе и поверил! Я же вижу, как ты на Ирку Ракитину пялишься!

– Я? Пялюсь? С чего ты взял?

– Да все знают, что ты на Ирку запал. Она сама девчонкам говорила, что ты на нее все время смотришь.

– А ты слышал?

– Представь, слышал! Я рядом с девчонками винегрет в столовке ел. Так Ирка и не думала меня стесняться.

– Дура она! – на всю улицу крикнул Шмаевский.

– Полностью с тобой солидарен! – согласился Мишка. – Только незачем так кричать. Я тебя отлично слышу.

– Он, видите ли, слышит! – продолжал злиться Руслан. – А ты не мог этой Ирке вывалить на голову свой винегрет, чтобы она чушь-то не несла?

– Много чести ей было бы! Я винегрет на свои кровные денежки покупал! И потом, она говорила чистую правду! Она же не врала, что ты ей в любви объяснялся или там... целовался с ней. Она говорила только, что ты на нее смотришь! А это так и есть!

– Так я почему смотрю-то, ты знаешь?

– Догадываюсь.

– Ну?!!

– Я уже говорил, что ты, скорее всего, в нее влюбился. И от друга, между прочим, глупо это скрывать!

Шмаевский прижал Ушакова к стене дома, мимо которого они проходили, и зашипел ему в ухо:

– Ну, Миха! Ты меня достал! Последний раз говорю тебе, что я не влюбился! Ракитина просто красивая девчонка, а на красивых всегда приятно смотреть! Разве не так?

– Допустим. А зачем тогда ты про поцелуи интересовался?

– А почему ты мне так и не ответил?

Ушаков вырвался из рук Руслана, поправил сбившуюся на бок куртку и укоризненно сказал:

– Да я-то как раз тебе все, как на духу! Если уж целовался, так сразу прямо и признался.

– И это называется признался? Я тебя именно как друга спросил, понравилось ли тебе, а ты что? Какими-то нелепыми встречными вопросами стал отвлекать!

– Знаешь, Руслан, если честно, то слишком много разговоров про эти поцелуи. А на самом деле... В общем, ничего хорошего. У этой Тамарки... ну... из лагеря, губы были такие... знаешь, как мыло... И, представляешь, жарища, а она, как лягушка, холодная! Бррр!

– Ну... не все же, наверное, как лягушки...

– Может, и не все. Но не термометр же им ставить. Это, видно, кому как повезет. Мне вот не повезло. И все-таки... – Ушаков исподлобья оглядел приятеля. – Если не Ирка Ракитина, то кто?

– В каком смысле?

– Ну... с кем ты собрался целоваться?

– Ни с кем... Это я так... Пока только теоретически...

– А-а-а... Ну-ну! – явно обиделся Мишка. – Не хочешь говорить – не надо! Перебьемся! – И он решительно зашагал в противоположную сторону.

Руслан Шмаевский в замешательстве остановился. Нет, Катькины губы не были похожими на мыло. Они были теплыми и легкими, как... Впрочем, о чем это он?! Да плевать на то, какие губы у этой ненормальной Кэт! И на Ирку Ракитину тоже! Чтобы он на нее еще раз когда-нибудь посмотрел! Не дождется! Вот уж у нее губы напмажены точно до мыльного привкуса! И из-за этих мыльных дур он сейчас практически поссорился со своим самым верным другом! Это неправильно! Разве какие-то девчонки стоят его дружбы с Ушаковым! Да они с ним с самого детского сада...

– Э-э-э! Мишка! – крикнул он другу. – погоди! Я же совсем не то...

Поскольку Ушаков даже не обернулся, Руслан бросился его догонять.

– Ну, не злись, Миха! – Шмаевский остановил Мишку, схватив за рукав куртки. – Еще не хватало, чтобы мы из-за девчонок ссорились!

– Так я почему злюсь, – сразу пошел на мировую Ушаков. – Потому что я и сам хотел с тобой об этом поговорить, а ты скрытничаешь!

– Ничего я не скрытничаю. Я же сказал, что рассуждал пока чисто теоретически, потому что возраст... как бы уже подходящий... а опыта в этом деле нет...

– Так вот и я про то! – горячо заговорил Мишка. – Понимаешь, меня, собственно говоря, лягушачьи Тамаркины поцелуи только и останавливают!

– В каком смысле? – Руслан от неожиданности даже встал столбом посреди улицы.

– Да понимаешь, мне девочка одна... ну... из нашего класса нравится... – Ушаков потащил Руслана за собой. – А как вспомню Тамарку, так прямо тошнит. Представляешь?!

Шмаевский почему-то решил, что Мишке непременно должна понравиться Катя Прокофьева, и он настроился на то, чтобы уверить его, что Катя еще похуже Тамарки будет.

– И что же это за девочка? – осторожно спросил он.

– Вот... только тебе... как другу... – начал Мишка и с недоверием оглядел Руслана.

– Да ты что, думаешь, я кому-нибудь растреплю? – удивился Шмаевский.

– Дай слово, что никому! – зачем-то попросил Ушаков.

– Кончай, Миха! – возмутился Руслан. – Я могу подумать, что ты во мне сомневаешься!

– Ну ладно... Гляди у меня! В общем, так: мне нравится... Вероника Уткина...

Шмаевский облегченно вздохнул, потому что понял: кривить душой на предмет Прокофьевой ему не придется. Он и сам не знал, почему так обрадовался, что Мишка не претендует на эту ненормальную Кэт. И какое ему до нее дело?

– Ну! И почему так странно реагируешь? – подошла очередь удивляться Ушакову.

– Как странно?

– Чего это ты развздыхался? – угрюмо спросил его Мишка. – Тоже на нее заришься?

– Нет, что ты! Это я просто так вздохнул... неконтролируемо!

– Ну гляди! – опять неизвестно зачем пригрозил Ушаков.

– И что ты собираешься делать? – спросил Руслан.

– Так вот в этом-то весь вопрос! Хотел куда-нибудь пригласить Веронику, а как вспомню Тамарку – прямо с души воротит!

– Так, может, не вспоминать?

– Это тоже, знаешь ли, неконтролируемо получается!

– Ну тогда, может, не целоваться? Хотя бы временно... пока Тамарка совсем не исчезнет из памяти?

– А что? Это вариант! – обрадовался Мишка. – Слушай, а может, мне прямо сейчас взять и пригласить ее куда-нибудь?

– Возьми и пригласи!

- Легко сказать, пригласи! А если она вдруг не согласится?
- Чего бы ей не согласиться? Ты у нас парень видный!
- Да? Ты так думаешь?
- Ну хватит, Миха, без конца задавать ненужные вопросы и увиливать! Решил пригласить, так иди и приглашай!
- Ты не злишь, но я еще один вопрос все же тебе задам, как другу! А куда бы мне ее пригласить?
- Откуда я знаю! Я ни разу никого не приглашал.
- Ну а вот если бы пришлось, то куда? Можешь ты порассуждать... опять же... чисто теоретически?
- Могу. Сейчас погода хорошая. Тихая. И снег так красиво падает. Пригласи ее прогуляться по Питеру.
- А что? Дело говоришь! – обрадовался Ушаков. – Не зря я все-таки тебя спросил! Ну... так я пошел?
- Валяй! – согласился Руслан.

Мишка рванул к дому Вероники Уткиной, а Шмаевский в совершенно растревоженном состоянии поплелся к своему дому. И чего это он так испугался за Катьку Прокофьеву? Да разве она может кому-нибудь понравиться? Совершенно бесцветная и неинтересная женская особь!

Вечером Руслан не выдержал, позвонил Мишке и спросил:

- Ну как?
- Что именно? – снисходительно спросил его Ушаков.

– Кончай прикидываться! Прекрасно знаешь, о чем я спрашиваю! – рассердился Руслан.

– Если ты про Веронику, то крепость сдалась, практически без боя!

– Да ну?

– Вот тебе и «да ну»! Представляешь, почти сразу согласилась со мной встречаться. Так... для виду только поломалась немного.

– И что? Вы гуляли?

– Разумеется, мы гуляли, Руслик! – Мишка опять сказал это так устало, будто они не по Петербургу бродили, а совершили восхождение по меньшей мере на Эверест. – В общем, если ты задумаешь что-нибудь в этом же роде, обещаю тебе любую консультацию!

– Да я пока как-то...

– Ну и зря! – перебил его Мишка. – Вот если бы ты запал на ее подругу, то мы могли бы гулять вчетвером! Здорово, между прочим, было бы!

– Кого ты имеешь в виду? – спросил Руслан, и в памяти опять всплыл довольно-таки неказистый образ Прокофьевой.

– Ясно, что не Катьку, – ответил Ушаков. – Кому она может понравиться? А вот Танька Бетаева ничего! Очень тебе рекомендую! У нее так височки выстрижены! Класс!

– Ну ты даешь! – восхитился Руслан. – Какие слова знаешь!

– С девчонками поведешься – еще не то узнаешь! – сказал Мишка.

От добра добра не ищут

– Поскольку меньше чем через месяц будет День влюбленных, который всей школе так понравилось отмечать, то предлагаю подготовить к традиционному концерту для родителей несколько сцен из «Евгения Онегина» и стихи о любви, – сказала Нинуля в самом начале урока литературы.

– Тоже Пушкина? – спросила Ник, то есть Вероника Уткина.

– Необязательно. Выберите стихи того поэта, который вам больше нравится. Только мне сначала покажите, а то сейчас в книгах можно найти такое...

– Это какое же «такое»? – выкрикнул Мишка Ушаков.

– Сами знаете какое, – не стала уточнять Нинуля.

– А если я, например, терпеть не могу все эти стишки? – не унимался Ушаков.

– Не отрывай время от урока, Михаил, – поморщилась Нинуля. – У меня и в мыслях нет предлагать тебе читать стихи со сцены.

Это Ушакову почему-то тоже не понравилось.

– То есть вы считаете, что я не в состоянии?

– Да, Миша, я так считаю. И думаю, что не я одна. Все знают, как ты завываешь, когда читаешь стихи наизусть.

– Это я-то завываю?!

– Еще как завываешь! Прямо противно! – подхватила Ира Ракитина и тут же обратилась к учительнице. – А кто будет Татьяной?

– Ну конечно, не ты! – опять встрял Ушаков.

– Это почему же? – обернулась к нему Ракитина, презрительно сузив свои красивые голубые глаза.

– Да потому, что ты – вылитая Ольга! «Кругла, красна лицом она, как эта глупая луна на этом глупом небосклоне»!

– Идиот! – бросила ему Ира и отвернулась.

– На себя посмотри! – ответил Мишка и без всякой паузы обратился к Нинуле: – Нина Владимировна! Я хочу быть Онегиным, потому что эта особа... – и он резко выбросил руку в сторону Ракитиной. – ...меня так достала, прямо сил нет терпеть. Я ей так монолог вжарю, мало не покажется!

– Брось, Миха, у тебя не получится. Вспомни свое «Вон из Москвы, сюда я больше не ездук!» – заметил Шмаевский. – Все хохотали до слез. Бедный Грибоедов еще раз умер бы, если бы услышал!

– Ты, что ли, на Онегина претендуешь? – сразу надувшись, спросил его Мишка. – Еще друг называется!

– Не-е-е... – протянул Руслан. – Я пас...

– И напрасно, – обратилась к нему Нинуля. – У тебя и внешность подходящая, и читаешь ты неплохо.

Весь класс мигом обернулся к последней парте, где сидел Шмаевский. Он покраснел от такого повышенного внимания к собственной персоне и опять отрицательно помотал головой:

– Н-нет... Это не для меня... Если бы в классе, то еще туда-сюда, а со сцены... В общем, не буду я, Нина Владимировна...

– Ладно, мы еще с тобой поговорим на эту тему отдельно, а сейчас запишите названия стихов Пушкина, которые могут вам пригодиться к чтению со сцены. Заодно запишите названия и нескольких стихов Лермонтова. Он у нас следующий по программе, и стихи о любви у него тоже прекрасные. Кстати! – Учительница с улыбкой посмотрела на Ушакова. – Мне кажется, Миша, что как

раз ты сможешь подобрать себе что-то из Лермонтова. У него есть стихи, направленные против прекрасного пола. Тебе подойдет! Они даже с твоими особыми интонациями пройдут!

– Дались вам мои интонации... не хуже, чем у других, между прочим... – пробурчал Ушаков и склонился к тетради.

Кэт записывала названия стихов о любви и наливалась злостью. Все сошли с ума! День влюбленных! Пошлость такая! В прошлом году вся школа была залеплена розовыми и красными сердцами, завешана надувными шарами и всякими блестками, как на Новый год. Все шушукались по углам и писали друг другу идиотские любовные записочки. Кэт тогда ушла сразу с первого же урока, сославшись на головную боль. Ей противно было смотреть на всеобщее помешательство. А сейчас она уже абсолютно точно знает, что все это ложь: слюнявые признания и клятвы. Они живы только до тех пор, пока кто-нибудь другой не скажет: «Поцелуй меня». И тогда все! Любви конец, прости-прощай... Конечно, Шмаевский повел себя нетипично, но во всем виновата захлопнувшаяся дверь. Если бы не дверь, то он сейчас бегал бы за ней, как привязанный, а она выдавала бы ему поцелуи порционно, чтобы не привык и всегда о них мечтал. И все бы над ним подхихикивали, как сегодня над Ушаковым. Тоже Онегин выискался, рыжий и веснушчатый! Вот Шмаевский действительно подходит внешне: высокий, черноволосый... И лицо у него приятное... особенно глаза. Кэт хорошо их рассмотрела на лестнице. Они такие коричневые... прямо как шоколадные... А губы такие...

Кэт выпрямилась и даже перестала записывать за Нинулей. Что за ерунда! Ей плевать на то, какие у Шмаевского глаза и губы! Ее этим не купишь! И этот пушкинский Онегин тоже хорош! Деревенская девушка его наверняка бы компрометировала, и потому он ею пренебрег, а когда она стала признанной царицей Петербурга – сразу тут как тут! Зря только Татьяна перед ним разнюнилась: «Я вас люблю, к чему лукавить...» Могла бы назло ему сказать: «Мне теперь нет до вас никакого дела!»

По сути, Шмаевский тоже пренебрег ею, Кэт, как Онегин Татьяной. Вот бы стать красавицей, хотя бы как Ракитина! Русланчик тогда приполз бы на коленях, как миленький, а она сказала бы ему: «Пошел вон!» Пусть бы знал! А Ленский вообще ненормальный! Собственник! Рабовладелец! Подумаешь, его невеста потанцевала с другим и пококетничала слегка! И что такого! Она же не

целовалась с ним! В общем, все эти стишки, названия которых Нинуля диктует, туфта и ложь! Наверное, придется и на этот День влюбленных заболеть...

Когда Кэт вернулась домой, то вместо прогорклого застоявшегося запаха никотина ее встретил сдобный пирожный дух. Навстречу ей из кухни выбежала веселая румяная мать. Кэт побоялась даже спросить ее о чем-нибудь, но она начала сама:

– Все в порядке, Катюшка! Я нашла работу! Они как раз искали юриста, а тут вдруг я! Мне пришлось помочь им составить один документ, и меня сразу взяли! Завтра уже выхожу! Раздевайся быстрее! Я на радостях пирогов напекла! Твоих любимых! С капустой!

– Ур-р-ра-а-а! – крикнула Кэт и бросилась матери на шею.

Они несколько минут постояли обнявшись, а потом Кэт спросила:

– Ма! А как там с куревом?

Наталья Николаевна слегка оттолкнула от себя дочь и смущенно произнесла:

– Далось тебе мое курево... Там разрешается, в специально отведенных для этого местах...

– Ма! А может, ты бросишь, а? Ну что это за женщина-юрист, от которой несет, как от мужчины! Вдруг это клиентам не понравится, и тебя снова уволят?

– Катька! Я не буду работать с клиентами! Это же не консультация! Это фирма по изготовлению и продаже лакокрасочных материалов. Я просто буду оформлять специальные документы... ну... и разное другое. У меня в основном будет работа с бумагами, а не с людьми.

– И все равно! Ма! Я ненавижу этот запах! Меня от него тошнит! И сразу все... плохое вспоминается... Честное слово, только забудешь про все наши несчастья, только чему-нибудь обрадуешься, а домой придешь, и сразу вместе с этим дымом тоска накатывает!

Наталья Николаевна виновато посмотрела на дочь и тихо сказала:

– Ты, наверное, права, Кать... Но сразу трудно... ты же знаешь...

– А ты постепенно... Я еще потерплю, только ты начни потихоньку отвыкать, ладно?

– Ладно... Мой руки! Пирогі стынут!

– Ну, что нового в школе? – спросила Наталья Николаевна, улыбаясь тому, как дочь жадно запихивала в себя пирог за пирогом.

– Ма! – удивилась Кэт, роняя изо рта крошки. – Ты уже сто лет не спрашивала, как у меня дела!

– Значит... тебе есть что мне рассказать, – смущенно ответила она.

Кэт проглотила кусок пирога и задумалась.

– Знаешь, ма, – наконец отозвалась она, – а рассказывать-то... и нечего... Все, как всегда. Разве что... Представляешь, наш класс собирается ставить сцены из «Евгения Онегина»! Дураки, да?

– Почему? – удивилась Наталья Николаевна. – Я в свое время тоже читала со сцены письмо Татьяны.

– Да ну? Ты никогда не рассказывала!

– Так ты только что до этого доросла.

– Ма, а зачем ты читала?

– Станный вопрос. Все девочки обожают письмо Татьяны. А когда читают со сцены, то оно непременно предназначается тому мальчику, который нравится.

– И у тебя был такой мальчик? – изумилась Кэт и чуть не захлебнулась чаем.

Наталья Николаевна расхохоталась:

– Интересно, чем же я хуже других?

Кэт отставила в сторону чашку и очень заинтересованно спросила:

– Ма! Ну ты прочитала... и что?

– Что «что»?

– Ну что он сделал, тот, которому оно предназначалось?

– А он... просто обалдел!

– Как это?

– Так это! Он бросил свою... Муську Рогалеву и пригласил меня на танец после нашего концерта.

– А потом?

– А потом... потом мы клялись друг другу в вечной любви. Ведь мы не подозревали, что ничего вечного не существует...

Лицо Натальи Николаевны опять потускнело, и она отвернулась от дочери к окну.

– Ма... Это что... был отец? – едва дыша, спросила Кэт.

– Нет.

– Вот странно... А почему вы расстались... ну... с тем мальчиком, который бросил ради тебя свою Муську Рогачеву...

– Рогалеву.

– Какая разница!

– Конечно же, никакой.

– Так почему?

– Как-то не сложилось. Мы же были очень юными. Впереди расстилалась целая жизнь, и мы оба, наверное, надеялись, что встретим еще кого-нибудь получше.

– Э-эх, мама!!! Говорят же, что от добра добра не ищут! – Кэт пристукнула по столу кулаком с недоеденным пирогом.

Наталья Николаевна опять улыбнулась, погладила дочь по светлым спутавшимся волосам и сказала:

– Я рада, что ты у меня такая мудрая! Надеюсь, твоя жизнь будет счастливее моей.

Вечером к Кэт явились обе ее подруги.

– Ты опять собираешься игнорировать День влюбленных? – спросила ее Вероника. – Как в прошлом году?

– А вы, конечно, будете строчить направо и налево эти дурацкие «валентинки»? – презрительно бросила им Кэт.

– Так скучно же, Катька! – отозвалась Таня Бетаева, бывшая Бэт. – Уроки, уроки и еще раз уроки! С ума сойти можно! А тут праздник! Почему бы не порадоваться жизни?

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/lubenec_svetlana/den-vseh-vlyublennyh

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)